

ПОСЛЕДНЯЯ МИНУТА

КОНЮШЕНКО ЕГОР

Егор Конюшенко

Последняя Минута

<https://litres.ru/74415224>

SelfPub; 2026

Аннотация

За сорок восемь часов до решающего голосования в парламенте лидер оппозиции сэр Ричард Грей получает анонимный конверт с компроматом на своего ближайшего финансового советника. Фотография и банковская выписка указывают на то, что человек, которому он доверял пятнадцать лет, работал на иностранную разведку. Если информация просочится — карьера Грея рухнет, а оппозиция лишится шанса на победу. Но, начав проверку, он обнаруживает, что конверт — лишь первый ход в чужой игре, где ставка выше, чем смена правительства.

Егор Конюшенко

Последняя Минута

Кабинет лидера оппозиции Её Величества выходил окнами на Темзу, но сэр Ричард Грей давно перестал замечать этот вид. За двенадцать лет на передовой скамье палаты общин он научился отсекал всё лишнее — и сейчас, когда до решающего голосования оставалось сорок восемь часов, лишним было почти всё, кроме цифр в сводке кнотов и последних правок к тексту его выступления.

Секретарь оставила конверт на углу стола из вишнёвого дерева — именно там, где Грей привык находить утреннюю корреспонденцию. Конверт ничем не выделялся среди прочих: плотная кремовая бумага, напечатанный на машинке адрес, штемпель Вестминстерского почтового отделения с вчерашней датой. Обратного адреса не было, но Грей вскрыл его без колебаний — анонимные послания были частью ландшафта, в котором он существовал последние тридцать лет, с тех самых пор, как впервые баллотировался в муниципальный совет Бирмингема.

Внутри лежали два предмета. Первым была фотография — чёрно-белый снимок, сделанный, судя по зернистости, камерой наблюдения. На снимке мужчина в пальто, чьё лицо было скрыто полями шляпы, передавал папку человеку, которого сэр Ричард узнал мгновенно, потому что видел это

лицо каждое утро на протяжении пятнадцати лет. Маркус Уитни, его главный финансовый советник, стоял вполоборота к объективу, но ошибки быть не могло — характерный наклон головы, манера держать левую руку в кармане плаща.

Вторым предметом оказалась банковская выписка — три страницы, скреплённые в левом верхнем углу. Колонки цифр, названия счетов, коды банков. Грей пробежал глазами первую страницу, затем вторую, и где-то к середине третьей его пальцы, до того спокойно державшие документ, сжались сильнее. Он узнал эти названия — офшорные юрисдикции, которые фигурировали в закрытых брифингах Объединённого разведывательного комитета. Счета, которые вели к структурам, контролируемым разведкой государства, чьё название он предпочёл бы не произносить даже мысленно в этих стенах.

Суммы были значительными, но не астрономическими — как раз такими, чтобы не привлекать внимания автоматизированных систем мониторинга. Платежи уходили ежемесячно на протяжении по меньшей мере восьми лет, хотя первая транзакция в выписке была датирована двенадцатью годами ранее. За три года до того, как Уитни стал управлять финансами оппозиции. За два года до того, как Грей впервые доверил ему ключи от партийной казны.

Сэр Ричард отложил выписку и посмотрел на дверь. За ней, в приёмной, работали люди, которым он доверял безоговорочно: его личный парламентский секретарь, пресс-секре-

тарь, двое помощников. Любой из них мог бы прямо сейчас начать проверку, сделать запросы, запустить негласное расследование. Именно так предписывал действовать протокол.

Грей снова перевёл взгляд на фотографию.

Тот, кто прислал конверт, знал расписание Уитни с точностью до минуты. Знал маршруты, знал места встреч, знал номера счетов, которые не существовали ни в одной официальной базе данных. Такая осведомлённость не могла быть случайной. И если у отправителя хватило ресурсов, чтобы раскопать двенадцатилетнюю финансовую историю его ближайшего советника, значит, у него хватит ресурсов и на то, чтобы следить за реакцией адресата.

Если информация просочится сейчас — за двое суток до голосования, — это уничтожит не только оппозицию. Это похоронит лично его. Человек, не сумевший разглядеть вражеского агента в собственном ближнем кругу, не может претендовать на пост премьер-министра. Его политические противники внутри партии — а их было немало — получают идеальный повод для дворцового переворота. Газеты, которые и без того дышали ему в затылок, разорвут репутацию в клочья ещё до вечерних выпусков.

Он снял трубку внутреннего телефона, но замер, не донеся её до уха. Связистка на коммутаторе. Секретарь в приёмной. Кто-то из них мог услышать имя, которое он собирался назвать. Кто-то мог неправильно понять, кому именно адресован звонок. А даже если и нет — само наличие этого

звонка в журнале стало бы уликой, следом, который рано или поздно приведёт к вопросам.

Сэр Ричард положил трубку обратно на рычаг.

Он выдвинул верхний ящик стола, достал папку с грифом «Лично. Не подлежит разглашению» и вложил в неё оба документа. Фотографию — изображением вниз. Выписку — так, чтобы не было видно названий банков. Закрыл папку. Запер ящик. Ключ переложил в нагрудный карман пиджака.

За окном кабинета, на противоположном берегу Темзы, загорались вечерние огни. Через дорогу, в здании палаты общин, всё ещё шли дебаты — приглушённый гул голосов доносился сквозь толщу стен, как напоминание о том, что время не ждёт.

Сэр Ричард Грей поднялся из-за стола, поправил манжеты и направился к двери. Прежде чем взяться за ручку, он на мгновение задержался у зеркала в тяжёлой дубовой раме — старинного, из отцовского кабинета в Хэмпшире. Из стекла на него смотрел человек, который только что принял самое опасное решение в своей жизни, но внешне это никак не проявлялось. Безупречный узел галстука, прямой пробор, спокойный взгляд. Именно таким его привыкли видеть и соратники, и противники.

В коридоре его ждал Маркус Уитни — с папкой под мышкой и неизменной полуулыбкой, которая всегда казалась Грею признаком искренней преданности.

— Сэр Ричард, я подготовил финальные расчёты по тене-

вому бюджету. Если у вас найдётся пара минут...

— Не сейчас, Маркус, — ответил Грей, и его голос прозвучал ровно, почти буднично. — Отложим до завтрашнего утра. Мне нужно уехать по личному делу.

Уитни кивнул, ничем не выдав удивления, хотя личные дела у лидера оппозиции за двое суток до вотума недоверия были такой же редкостью, как солнечный свет в ноябре. Грей проводил его взглядом, пока тот не скрылся за поворотом коридора, и лишь затем позволил себе выдохнуть. Его уже не оставляло ощущение, что каждый его шаг отныне принадлежит не ему одному, а той невидимой силе, что вложила конверт в утреннюю почту. Единственный человек, которому он мог позвонить без оглядки на коммутатор, ждал его в пабе на другом конце Лондона.

Паб назывался «Герб угольщика» и стоял в той части Ламбета, куда не добирались ни туристы с картами, ни политические журналисты в поисках инсайдов. Сэр Ричард Грей прибыл туда в десятом часу вечера, дважды сменив такси и пройдя пешком последние четыреста ярдов под моросящим дождём. Кепка, взятая у шофёра, и поднятый воротник плаща делали его неузнаваемым — во всяком случае, он на это надеялся.

Джеймс Холл уже сидел в дальнем углу зала, спиной к стене, лицом к двери. Бывший офицер МИ-6 не менял привычек даже в отставке. Перед ним стоял стакан с содовой —

Холл не прикасался к спиртному уже семнадцать лет, с того самого дня, как вышел из здания на южном берегу Москвы-реки, имея при себе паспорт на чужое имя и микрофильм в подкладке ботинка. С тех пор они с Греем виделись нечасто, но регулярно — дважды в год, в одном и том же закрытом клубе на Пэлл-Мэлл, где старые друзья могли говорить без опаски. Сегодняшняя встреча была исключением из правил, и оба это понимали.

— Ты сказал, это срочно, — произнёс Холл вместо приветствия. Голос у него был тихий, с той особой невыразительной интонацией, которую вырабатывают люди, привыкшие говорить только то, что необходимо, и только тем, кому доверяют.

Грей опустился на стул напротив, положил на стол папку с грифом «Лично» и, не говоря ни слова, пододвинул её Холлу. Пока тот изучал содержимое, сэр Ричард заказал у подошедшей подавальщицы чай и ни разу не взглянул в сторону стола — вместо этого он смотрел на входную дверь, машинально отмечая каждого входящего и выходящего, как делал это всякий раз, оказываясь в публичном месте после наступления темноты.

Холл рассматривал фотографию чуть дольше, чем того требовало простое ознакомление. Он поднёс снимок к свече, стоявшей на столе в жестяном подсвечнике, изучил зернистость, затем перевернул и осмотрел обратную сторону — так, словно искал водяные знаки или следы фабричной об-

работки. Потом перешёл к выписке. Его глаза двигались по строчкам методично, палец левой руки скользил вдоль колонок с цифрами — привычка, выработанная десятилетиями работы с банковской документацией в контрразведывательных операциях.

— Кто ещё это видел? — спросил он, не поднимая головы.

— Никто. Конверт вскрыл лично. Секретарь принесла его вместе с остальной почтой, но она не знает содержимого. По крайней мере, я на это рассчитываю.

Холл наконец оторвался от документов и посмотрел на Грея тем взглядом, который сэр Ричард помнил ещё по совместной работе в комитете по безопасности — спокойным, оценивающим, ничего не обещающим.

— Двадцать четыре часа, — сказал Грей. — Это всё, что у меня есть. Если здесь то, о чём я думаю, к завтрашнему вечеру я должен знать правду. Любую.

Холл кивнул, убрал документы обратно в папку и сунул её во внутренний карман своего неизменного твидового пиджака — того самого, который он носил, по утверждению общих знакомых, ещё со времён кембриджского колледжа. Допив содовую одним долгим глотком, он поднялся.

— Жди моего звонка завтра в девять вечера. Не с мобильного. Ни с домашнего. Я сам найду тебя.

И вышел, не оглядываясь, через боковую дверь, ведущую в переулок.

Следующие двадцать три часа сэр Ричард Грей провёл так, как проводил любой другой день накануне судьбоносного голосования. Он председательствовал на заседании теневого кабинета, где обсуждались последние детали предстоящих дебатов. Он дважды выступил в палате общин — с короткими, но хлёсткими репликами по вопросам повестки. Он дал десятиминутное интервью политическому редактору «Таймс», ни словом не обмолвившись о том, что творилось у него в голове. И каждый раз, когда в поле его зрения появлялся Маркус Уитни — с папкой, с чашкой кофе, с неизменной полуулыбкой, — Грей находил в себе силы отвечать ровно и деловито, ничем не выдавая той пропасти, которая разверзлась между ними за одну минуту в его кабинете.

Ровно в девять вечера следующего дня Грей стоял у телефонной будки на углу Хорсферри-роуд — той самой, чей номер он продиктовал Холлу на клочке бумаги перед расставанием в «Гербе угольщика». Аппарат зазвонил секунда в секунду. Холл не тратил времени на приветствия.

— Фотография подлинная. Снята камерой наблюдения в подземном гараже отеля «Браунс» одиннадцатого ноября прошлого года. Человек в шляпе — курьер, личность установить не удалось, но это и не важно. Уитни действительно был на той встрече, и он действительно брал папку. Что в ней было, я пока не знаю.

Грей молчал, прижимая трубку к уху.

— А вот банковская выписка, — продолжил Холл с едва

уловимой переменной тона, — фальшивка. Высококласная, спору нет. Бумага, шрифты, даже водяные знаки — всё соответствует стандартам «Барклайс» за две тысячи одиннадцатый год. Но есть одна деталь. Видишь ли, в две тысячи одиннадцатом «Барклайс» использовал семизначные коды транзакций, а в этой выписке стоят восьмизначные. Такую ошибку не допустил бы ни один банковский служащий. Зато её допустил человек, который имел доступ к бланкам, но никогда не держал в руках реальную выписку того периода.

— Значит, Уитни подставили, — произнёс Грей. Это не было вопросом.

— Подставили, — подтвердил Холл. — Причём подставили профессионально. Те, кто это сделал, знали о существовании подлинной фотографии и встроили её в сфабрикованный компромат, чтобы вся конструкция выглядела убедительно. Но они не рассчитывали, что кто-то станет проверять шрифты транзакций, а не саму фотографию.

— Зачем? — спросил Грей. — Зачем подставлять моего финансового советника за двое суток до голосования?

В трубке на мгновение воцарилась тишина — та особая пауза, которую Холл всегда выдерживал перед тем, как сообщить самую важную часть информации.

— Потому что голосование по вотуму недоверия — это дымовая завеса, Ричард. Настоящая игра идёт вокруг контракта на поставку вооружений. Речь о сделке на четыре с половиной миллиарда фунтов — новые ракетные системы для

Саудовской Аравии. Контракт должен быть подписан послезавтра, в день голосования, пока вся страна будет смотреть в сторону Вестминстера. Если бы ты вцепился в этот компромат на Уитни, если бы начал внутреннее расследование или, не дай бог, передал материалы в прессу, оппозиция погрязла бы в скандале минимум на неделю. Ровно на столько времени, сколько нужно, чтобы сделка прошла без парламентского контроля. А в этом контракте, Ричард, заложены такие откаты, что твоя банковская выписка выглядит как карманные расходы сельского vicar.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.